

«А ПО ОЦЕ РЕЦЕ,
ГДЕ ВТЕЧЕТ В ВОЛГУ,
ЯЗЫК СВОЙ МУРОМА;
ЧЕРЕМИСА
СВОЙ ЯЗЫК;
МОРДВА СВОЙ ЯЗЫК»

“AND ALONG
THE OKA RIVER,
WHERE IT FLOWS
INTO THE VOLGA,
MUROM’S LANGUAGE;
CHEREMIS
OWN LANGUAGE;
MORDOVIANS
OWN LANGUAGE”

Рецензия на книгу: Гришаков В. В., Седышев О. В., Сомкина А. Н. Муромские племена правобережья Оки в последней четверти I тыс. н. э.: моногр. / Мордовский гос. пед. ин-т. – Саранск, 2016. – 176 с.

Book review: Grishakov V. V., Sedyshev O. V., Somkina A. N. Murom tribes of the right bank of the Oka in the last quarter of the 1st millennium AD. Monograph / Mordovian State Pedagogical Institute. – Saransk, 2016. – 176 p.

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья»

Среди финноязычных народов Поволжья археологические древности муромы относятся к разряду наименее изученных. Подобная ситуация, возможно, объясняется тем, что муромские памятники расположены за пределами территории национальных республик народов финно-угорской языковой группы и поэтому привлекают к себе меньше внимания со стороны исследователей. Тем более важным событием представляется издание в Саранске монографии, посвященной изучению муромских древностей Чулковского могильника. Раскопки этого памятника, расположенного на юго-западе Нижегородской области, в долине Оки, были начаты еще в 1974 г.

экспедицией Мордовского государственного университета под руководством М. Ф. Жиганова, а в 1985 г. были про-

должны В. В. Гришаковым. В общей сложности на могильнике было исследовано 94 погребения, материалы которых стали предметом анализа в монографии, подготовленной коллективом авторов в составе В. В. Гришакова, О. В. Седышева и А. Н. Сомкиной. Работа состоит из введения, двух глав, дневника раскопок могильника, заключения и 65 рисунков погребального инвентаря.

Во введении авторами излагается краткая история исследования могильника, приводится список активных участников экспедиции.

В первой главе описывается материальная культура населения, оставившего могильник. Здесь приводятся классифика-

ции предметов, относящихся к женскому и мужскому костюмам. Следует отметить, что в конце I тыс. н. э. племена муромы, по-видимому, контролировали Окский торговый путь, поэтому муромские захоронения отличаются богатством погребального инвентаря. К комплексу женского костюма относятся достаточно многочисленные украшения, изготовленные из бронзы и серебра. Этническим маркером национального костюма, как правило, выступают головные украшения. У муромы это были головные жгуты, представляющие собой длинные пучки шерстяных или полотняных нитей, обернутые кожаной лентой и обмотанные широкой бронзовой проволокой. Жгуты охватывали голову ото лба к затылку или от правого виска к левому. Украшением головы также служили височные кольца и налобные венчики, формы которых продолжают развитие головных уборов родственных муроме рязано-окских племен. Широко распространенной принадлежностью муромского костюма были ажурные бляхи и шумящие украшения, изготовленные мастерами-литейщиками в технике «воскового вязания». Только для муромы были характерны набедренные ленты, изготовленные из кожаных полос, обжатых бронзовыми обоймами.

Большинство остальных украшений относятся к разряду общефинских, являясь принадлежностью женского костюма не только муромы, но и марийцев, мордвы, в меньшей степени – мери. Это пластинчатые и спиральные браслеты, круглодротовые гривны с проволоочной обмоткой на концах и с замком в виде «лодочки» с петлей, нагрудные пластинчатые бляхи с крышечкой, спиральные перстни, ножные украшения-оборы, застежки-сюльгамы и др. На наш взгляд, все это, вопреки мнению ряда лингвистов, свидетельствует о сохранении определенной степени культурного единства финноязычных народов Поволжья во второй

половине I тыс. н. э. Впрочем, необходимо признать, что мы пока еще не можем дать убедительного и аргументированного ответа на вопрос: на чем был основан механизм сохранения культурной общности этих народов? Остается неясной и степень их интеграции. Очевидным является наличие единого металлообрабатывающего очага, мастера-литейщики которого изготавливали общие формы ювелирных изделий. Следует отметить, что льячки и литейные формочки для отливки оловянного бисера были обнаружены в четырех женских захоронениях, что характерно также для погребальных традиций мордвы и марийцев.

Мужской костюм был менее своеобразен. Из украшений мужчины носили дротовые ложновитые гривны с замком в виде петли и многогранной головки, причем они чаще были серебряными. В двух погребениях были зафиксированы серебряные застежки с «крылатой иглой», которые принято относить к предметам высокого социального статуса. Обязательной деталью мужского костюма был пояс, в который входили пряжки, поясные накладки и наконечники ремней. Большинство деталей ременного набора были изготовлены из железа, реже из бронзы или серебра.

Обычной принадлежностью мужских захоронений были ножи, кресала, кельты и проушные топоры, наконечники копий и дротиков, реже встречались наконечники стрел. Хотя исследователи считают кельты рабочими топорами, скорее всего они являлись орудиями многофункционального назначения. К боевым, несомненно, относятся два топора с молоточковидным обухом. Большинство погребений содержали находки глиняной посуды, среди которой преобладали глубокие миски высоких пропорций и стандартных объемов. Значительно реже встречались неглубокие бокалы средних пропорций и горшки. В одном погребении были обна-

ружены импортная полированная чаша и остатки четырех деревянных чаш.

В 13 конских захоронениях было зафиксировано снаряжение верхового коня: удила, стремяна, детали уздечек и сбруи, причем стремяна, как правило, не были парными. По предположению авторов, они преимущественно использовались лишь для подъема на коня, а не для обеспечения прочности посадки. Удила с S-видными и прямыми псалиями восходят к степным прототипам, удила с подвижными кольцами относятся к типично местным формам.

В аналитическом ключе написана вторая глава монографии, посвященная датировке погребальных комплексов. На наш взгляд, данная глава носит наиболее дискуссионный характер. Авторами был использован метод П. Рейнеке, суть которого заключается в анализе изменения наборов типов вещей в погребениях путем изучения их взаимовстречаемости. Недостатки данного метода уже анализировались автором рецензии. Главным из них являются ограниченные размеры аналитической выборки, поскольку не все погребальные комплексы используются при разработке хронологии некрополя.

В монографии выделены три хронологические группы вещей. Первая датирована VIII – началом IX в. Хронологические рамки второй группы определены IX в., третьей – концом IX–X в. В итоге получается, что могильник функционировал на протяжении порядка 300 лет, в ходе которых было совершено 81 захоронение преимущественно взрослых людей, поскольку малолетних детей хоронили где-то отдельно. Однако если предположить, что захоронения были оставлены группой людей минимально возможной численностью 20–25 чел., состоящей из двух-трех патриархальных семей, число умерших должно было быть в три-четыре раза больше, даже с учетом того, что вскрыта не вся площадь некрополя. Ана-

лиз планиграфии могильника подтверждает данные выводы. Самые ранние погребения совершены в южной части памятника, ближе к краю мысовидного выступа террасы р. Тужа. В этой части сконцентрированы погребения с круглодротовыми гривнами с замком в виде «лодочки» и петли, которые бытуют в мордовских могильниках до середины VIII в. Здесь же начинают встречаться спиральные браслеты, появление которых на памятниках волжских финнов относится ко второй половине VIII в. Следовательно, самые ранние погребения на Чулков-

ском могильнике были совершены не ранее середины VIII в.

Завершающий этап функционирования некрополя авторы монографии относят к X в., основываясь на многочисленных находках бронзовых ажурных блях округлой формы, выполненных в технике «воскового вязания», которые, по их мнению, получают широкое распространение в муромских могильниках именно в это время. Однако В. В. Бейлекчи определяет время бытования этих блях в муромских древностях более широко: с VII по X в. В северной, поздней части некрополя они

нередко встречаются в погребениях вместе с ложновитыми гривнами с многогранной головкой и петлей, время бытования которых в мордовских древностях не выходит за пределы IX в. Таким образом, время функционирования Чулковского могильника следует ограничить серединой VIII – IX в.

В заключении монографии авторы приходят к справедливому выводу, что муромские племена создали собственный очаг культуры в Нижнем Поочье, просуществовавший до начала XI в., когда движение славянских племен поглотило его.

Владимир Вячеславович Ставицкий –

*доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории и обществознания
Пензенского государственного университета,
Пенза, Россия,
stawiczky.v@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>*

Vladimir V. Stavitsky –

*Doctor of History, Professor,
Department of General History and Social Sciences,
Penza State University,
Penza, Russia,
stawiczky.v@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>*